

Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества

Р.А. ХАНИПОВ

В статье современная культура российского общества рассматривается сквозь призму криминальных и тюремных культурных практик. Предпринята попытка анализа культуры взрослых россиян и молодежной культуры как во многом обусловленных криминальной и тюремной культурой. Распространенность тюремной и криминальной культуры в повседневной российской действительности прослеживается через укорененность в обществе таких тюремных культурных практик, как тюремный жаргон, блатная песня, а также криминальных норм и установок, которыми руководствуется российское общество. Тюремная и криминальная культура в значительной степени пронизывают школьное пространство, молодежную культуру, проявления чего можно обнаружить в жаргоне подростков и молодежи, их поведенческих и культурных установках. Культура делинквентных группировок в значительной степени обусловлена тюремной культурой. Практики армейской «дедовщины» также репрезентируют тюремные традиции и нормы. Автор приходит к выводу, что одним из основных факторов укорененности тюремной и криминальной культуры в России являются особенности системы тюремного заключения, в которой заключенные содержатся в больших группах, что позволяет научать вновь прибывших тюремным паттернам и ретранслировать эти паттерны после освобождения в обычное общество. Широкой распространенности тюремной культуры также способствует репрессивная система уголовного наказания в России, когда заключению подвергается значительное количество людей. Сталинские репрессии и амнистия 1953 г. стали основой широкомасштабного распространения тюремной культуры в России.

Постановка проблемы

Культура взрослых россиян и молодежная культура во многом обусловлены криминальной и тюремной практиками. В первой части работы рассмотрим формы и особенности проявления криминальной/тюремной культуры в «обычной» культуре взрослых, затем попытаемся проследить обусловленность повседневного поведения российской молодежи криминальными практиками, ценностями, нормами и установками.

Прежде всего отметим, что в данной работе мы используем термин «культура», а не «субкультура». В некоторых наших ранних работах при описании молодежи делинквентной направленности мы использовали, казалось бы, более соответствующий данной проблематике термин «субкультура», так как «чаще всего его применяют относительно девиантных или молодежных культур, противопо-

ложных господствующей культуре в целом» [Аберкромби, Хилл, Тернер 2004, с. 474], однако понятие «субкультура» «предполагает существование идентифицируемой господствующей культуры» [Там же] или «является скорее разновидностью господствующей культуры, нежели результатом отказа от нее» [Там же, с. 114]. Основная идея данной работы заключается в том, что «господствующей» российской культурой, как взрослой, так и молодежной, является скорее криминальная или тюремная культура.

В данной работе мы используем термины «тюремная культура» и «криминальная культура» как синонимы. Возможно, термин «криминальная культура» является некорректным ввиду сложности определения «нормы» и «патологии», однако в литературе, описывающей единые установки, практики и традиции в рамках тюремного пространства, употребляются термины «“криминальная” (суб)культура», «преступная», «воровская» и т. д.

Формы проявления криминальной и тюремной культуры в «обычной» культуре взрослых

Пожалуй, одной из наиболее очевидных форм проявления тюремной культуры в «обычной» культуре взрослых является повсеместное использование тюремного (блатного, воровского) жаргона (арго¹, фени). Так, известная фраза В. Путина, произнесенная им 24 сентября 1999 г. в Астане: «Если мы их <террористов> найдем... в туалете — и в сортире их замочим...» [Википедия, разд. «Взрывы жилых домов»], существенно повысившая рейтинг политика, сказана на тюремном, блатном жаргоне. Слово «мочить» на тюремном жаргоне означает убивать или избивать [Александров 2002, с. 106].

«По фене ботает»² не только президент Российской Федерации. Министр обороны³ и первый вице-премьер Российской Федерации С. Иванов 28 сентября 2006 г. охарактеризовал задержание Грузией четырех российских военнослужащих как «полный беспредел...» [Действия Грузии...]. «Беспредел» — термин, прочно вошедший в современный русский язык, является элементом тюремного жаргона и означает «крайнее беззаконие» [Там же, с. 80]. Беспредел может быть «блатным» (шерстяным), т. е. «открытое, насильственное нарушение воровских (тюремных) традиций и законов со стороны осужденных по отношению к осужденным же» [Там же], или «ментовским» — «беззаконие, жестокость по отношению к осужденным со стороны администрации, иных должностных лиц (прокурора, сотрудников спецназа, следователей и др.)» [Там же]. Опрос 630 «обычных» респондентов и 270 сотрудников милиции, проведенный А. Тайбаковым в 1999 г., показал, что «в повседневной речи используют “арго” 45% <обычных «граждан»> и 23% <со-

¹ Арго — от франц. argot: «речь социально или профессионально обособленных групп и сообществ». См.: БСЭ. Арго (<http://slovari.yandex.ru>).

² По (на) фене ботать — разговаривать на воровском жаргоне (см. словарь воровского жаргона в [Александров 2002]).

³ Данную должность чиновник занимал осенью 2006 г.

трудников милиции» [Тайбаков 2001, с. 90]. Возможно, данные цифры не вполне отражают реальность использования тюремного жаргона. Ю. Александров также указывает на использование тюремного жаргона сотрудниками милиции: «...употреблением лексики, принадлежащей к уголовному “воровскому” жаргону, грешат и сотрудники правоохранительных органов, особенно мест содержания под стражей и лишения свободы» [Александров 2002, с. 47], что демонстрирует стирание границ культурных установок между «полицейскими» и «криминальным миром» в России. А. Олейник утверждает, что в современном русском языке встречаются до трети «заимствованных» выражений из «тюремного сленга 1950-х годов» [Олейник 2001а, с. 40]. Также он предполагает, «что влияние на нее <повседневную речь россиян> тюремного арготизма 1990-х годов еще сильнее» [Там же].

Приведем цитаты Д. Лихачева из его работы, посвященной анализу тюремного жаргона [Лихачев 1935, с. 354–398]: «Слова воровской речи характерны своей необычайной экспансией, способностью распространяться далеко за пределы воровской среды. С этими воровскими словечками и словами распространяется яд воровской идеологии, воровского мировосприятия» [Там же, с. 387]. В последнем предложении Д. Лихачев указывает на взаимосвязь тюремного жаргона и тюремной/криминальной культуры. Отмечая, что он сознательно вносит оценочные суждения в свою работу, Д. Лихачев делает следующие выводы: «Воровская речь — это болезнь языка. Диагноз ее — “инфантилизм” языковых форм» [Там же]. «В воровской речи мы имеем дело с патологией языка... с языковым примитивом... явление воровской речи... явление, разрушающее язык» [Там же].

Русский шансон

С середины 1990-х «русским шансоном» стали называть имеющую долгую историю «блатную песню», т. е. песню, «поэтизирующую быт и нравы уголовной среды» [Левин]. Под блатной песней также понимается «русский музыкальный жанр, изначально рассчитанный на среду заключенных и лиц, близких к преступному миру» [Википедия, разд. «Блатная песня»]. Возможно, красивый термин «русский шансон» как «французско-нижегородский жанровый псевдоним» [Там же] был необходим для эстетизации не совсем «корректного» названия «блатной песни», ставшей чрезвычайно популярной в позднесоветский и постсоветский периоды. «Как только в перестройку ослабили запреты и цензура, и по всей стране, как грибы, стали множиться ларьки звукозаписи, на их полках плотными рядами выстроились кассеты с песнями про долгие сроки, не дождавшихся подруг, веселую воровскую жизнь, протекающую если не за решеткой, так в ресторане, мстительных следователей и т. п. — с большим количеством унылого уголовного жаргона, порой и с матерком» [Бутов 2003, с. 195]. Однако, не смотря на запрет исполнения, распространения и прослушивания, блатная песня в активной форме существовала и в советский период: «Она ушла в “подполье” — в криминальную, дворовую, студенческую, солдатскую, туристическую среду, лишь изредка, да и то “из-под полы”, появляясь в репертуаре ресторанных певцов и оркестров. В конце 50-х — начале 60-х гг., сначала на “костях” (самодельные грампластинки на рент-

геновской пленке), а затем и на магнитной ленте, блатная песня... распространяется подпольными "фирмами" звукозаписи» [Левин]. В постсоветский период на чрезвычайный спрос в российском обществе на блатную песню быстро отреагировал музыкальный и медиа-рынок: «Возникают свои, специализированные фирмы (ООО "Русский шансон"), свои студии звукозаписи ("Master Sound Records" и др.), свои радиостанции ("Радио Шансон", "Радио Петроград – Русский шансон"), специализированные радиопередачи ("В нашу гавань заходили корабли"), выходит журнал "Русский шансон", проводятся концертные турне и фестивали..."» [Левин]. Согласно опросу А. Тайбакова (1999 г.), блатную музыку в России предпочитали слушать 33% «обычных» респондентов и 28% сотрудников правоохранительных органов. 46% и 44% соответственно относятся к блатной песне нейтрально [Тайбаков 2001, с. 90].

Популярность блатной музыки в России можно проанализировать через рейтинг радиостанций. В ноябре 2006 г. по объему еженедельной аудитории в Москве «Радио Шансон» занимало 5-е место из 41-й доступной в Москве радиостанции (уровень еженедельной аудитории этой радиостанции составил 22,5% от числа опрошенных) [Радиомониторинг COMCON]. Кроме того, 3-е и 4-е места в рейтинге занимали музыкальные радиостанции «Авторадио» (27%) и «Ретро FM» (23%), нередко включающие в свой репертуар блатные песни. Лидирующие радиостанции «Русское радио» (29,4%) и «Европа Плюс» (27,5%) не имеют значительно большей еженедельной аудитории. В общероссийском рейтинге еженедельной аудитории за 1-й квартал 2006 г. «Радио Шансон» занимало 6-е место (уровень еженедельной аудитории этой радиостанции составил 11,2% от числа опрошенных) из 13 радиостанций, указанных в рейтинг-листе [Там же]. Песни, репрезентирующие тюремную культуру, в России предпочитает слушать почти такое же количество радиослушателей, какое имеет государственная музыкально-информационная радиостанция «Маяк» (11,8%), занимающая 5-ю строчку в общероссийском рейтинге еженедельной аудитории. На волнах другой государственной радиостанции, «Радио России», в общероссийском рейтинге занимающей 3-е место (16,5%), выходит отмеченная выше программа «В нашу гавань заходили корабли», репертуар которой, наряду с авторской песней, составляют и блатные песни. Популярность блатной музыки в России подтверждает и А. Олейник: «На волну "Радио Шансон", в ротации которого лидирующие позиции занимают "блатные" или написанные в подобной стилистике песни, ежедневно только в Москве настраивается более 600 тыс. слушателей» [Олейник 2004].

Радиостанцией «Шансон FM» была учреждена премия «Шансон года», которая «вручается за выдающиеся достижения в области пропаганды и распространения жанра шансон» [Википедия, разд. «Шансон года»]. На первом вручении премии были представлены следующие номинации: «Свой путь», «Правда жизни», «Госпожа чужбина», «Мужской характер», «Голос чести», «Русское застолье», «Рыцарь шансона», «Легенда шансона» [Там же]. Интересно отметить и место проведения церемонии: «...крутят феню днем и ночью, диски выпускаются гигантскими тиражами, мероприятия проводятся все более и более помпезные. К примеру...

вручение ежегодной премии “Шансон года” состоится в Государственном Кремлевском дворце. Самое место спеть за жизнь на нарах» [Левченко]. Другим интересным событием является награждение в 1998 г. М. Танича, продюсера исполняющей блатные песни группы «Лесоповал», орденом «За вклад в развитие российской культуры» [Олейник 2001а, с. 40].

М. Бутов, анализируя феномен «русского шансона», так описывает биографии авторов и исполнителей песен: «...прочтем душераздирающую историю жизни аутентичной “легенды” <русского шансона>: как провинциальный юноша рыдал над телом своей любимой, случайно застреленной при бандитской разборке, а затем, надолго оказавшись волею злодея прокурора за решеткой (само собой, за малую провинность, а то и вовсе ни за что, обвиненный облыжно), медленно, в муках приходил к осознанию своего поэтического призвания (особенно любопытно переключиться потом в раздел «Тексты песен» и ознакомиться с тем, как это призвание ныне реализуется)» [Бутов 2003, с. 196].

Далее Бутов заключает: «Из русского шансона вывод сделать можно единственный и раз и навсегда: о патологической склонности русских к маргинальному и преступному образу жизни...» [Там же].

Распространенность блатной песни М. Бутов описывает следующим образом: «...русский шансон преследует меня повсюду, где бы я ни оказался. Он несет из магнитолы у водителя маршрутного такси — и попробуй попроси его выключить! Из радиоточки в кабинете зубного врача. Из двухкассетника на прилавке у продавщиц, торгующих в “Детском мире” ползунками для младенцев» [Там же, с. 197]. Бутов приходит к выводу о повсеместных практиках потребления российским обществом блатных песен и невозможности уйти от них: «Как-то уже не подразумевается, что есть люди, которые потреблять этого как раз не желают. Для которых про бандитов, путан⁴, стрелки⁵, разборки⁶, бабки⁷, третью ходочку⁸, дочь прокурора, таганскую тюрьму и владимирский централ — не интересно... Надоело. Обрыдло. Не надо» [Там же]. Повсеместное воспроизведение блатных песен в автобусах Киева вызвало некоторое недовольство со стороны ряда граждан, что вынудило администрацию города в 2004 г. издать указ, запрещающий «водителям маршрутных такси включать во время работы радиостанции, в эфире которых звучит музыка в стиле шансон» [Маршрутки без «мурки» 2004, с. 25], так как «в маршрутках водители, как правило, настраиваются именно на их волну» [Там же].

⁴ Путана — проститутка.

⁵ Стрелка — встреча (зачастую для разрешения конфликта). См. [Александров 2002, с. 122].

⁶ Разборка — 1) разрешение конфликта между группами преступников; 2) воровской суд; 3) выяснение отношений [Там же, с. 118].

⁷ Бабки — деньги [Там же, с. 78].

⁸ Ходка — судимость [Там же, с. 127].

Жизнь «по понятиям»⁹ взрослых россиян

Помимо вышеописанных признаков тюремной культуры в российском обществе, попытаемся проанализировать преобладание у большинства людей в России криминальных норм и установок.

А. Тайбаков на основании результатов опроса, на который мы ссылались выше, приходит к выводу, что российское общество «силу закона подменяет законом силы, криминальным квазизаконом, или так называемыми понятиями. Жить “по понятиям” начинают не только криминальные профессионалы, но и самые различные слои нашего общества» [Тайбаков 2001, с. 91]. 28% «обычных» респондентов и 33% сотрудников милиции в России считают, что «в качестве регулятора общественных отношений выступает криминальный закон» [Там же]. 52% респондентов и 66% сотрудников российской милиции полагают, что «большинство проблем <в России> решается с помощью неформальных норм общения (“ты – мне”, “я – тебе”» [Там же]. А. Леденева также указывает на важность блатных отношений: «использования личных связей и неформальных контактов для получения товаров и услуг... в обход формальных процедур» [Ledeneva 1998]. Исследуя делинквентное поведение подростков и молодежи, А. Салагаев и А. Шашкин указывают, что тюремная культура «органично» включена в деятельность многих легальных государственных институтов, в частности административных, где вопросы нередко решаются не по закону, а “по понятиям”» [Салагаев, Шашкин 2004а, с. 41]. «Тюремные ценности широко... распространены среди социальных групп практически всех возрастов...» [Там же]. А. Олейник, анализируя российское общество, приходит к выводу, что «общества как единого нормативного пространства у нас просто нет. Члены каждого локального сообщества ориентируются на свои собственные, действующие только в их среде правила, или *понятия*...» [Олейник 2001а, с. 49]. В другой своей работе А. Олейник также указывает на распространенность в российском обществе поведенческих стратегий «по понятиям»: «Многие правила поведения на российском рынке воспроизводят “понятия”, характерные для тюремного сообщества» [Олейник 2001б, с. 5]. Также он ссылается на социальных психологов, указывающих на наличие «в повседневном поведении россиян элементов, характерных для социально-психологического типа заключенного» [Ким 1999].

Причины доминирования криминальной и тюремной культуры в России

Рассмотрев ряд признаков, указывающих на значительную распространенность тюремных и криминальных практик, норм, ценностей и установок, попытаемся понять, почему криминальная и тюремная культура доминируют в России.

Одно из объяснений распространенности тюремной культуры в России в ряде своих работ дает А. Олейник: «Основной тезис заключается в том, что институцио-

⁹ «Понятия» – система криминальных норм и правил, принятых в криминальном мире. «По понятиям» – правильно. Имеется в виду – жить правильно, согласно тюремным правилам и нормам.

нальные структуры тюремного сообщества и российского социума схожи, родственны, конгруэнтны» [Олейник 2001а, с. 42]. Схожесть тюремного и российского общества¹⁰ А. Олейник обнаруживает в том, что оба эти «института» являются тотальными. Он считает, что, как и в тюрьме, в советском обществе отсутствовали границы между частной и публичной жизнью. По всей видимости, полностью отождествляя «советскую реальность» и современное российское общество, Олейник утверждает, что лишь «требуется определить масштаб проникновения публичного в частное в тюремном и российском сообществе» [Там же, с. 44]. Для сравнения тюремного и российского общества автор предлагает еще один критерий — норму доверия. А. Олейник пишет: «Не случайно и заключенные, и россияне, находящиеся на свободе, помещают доверие во главу списка принципов, которыми должно руководствоваться общество» [Там же], и приводит результаты опросов, где заключенные действительно определяют доверие как наиболее важный критерий организации общества, а у обычных россиян этот принцип делит 3-ю и 4-ю позицию (доверие — 70,9%, свобода — 70,3%). Во главу принципов организации общества россияне ставят закон (86,1%), а на 2-е место помещают принцип морали (75,1%). Далее А. Олейник показывает, что совсем небольшое количество и заключенных (14,7%), и «обычных» россиян (33%) считают, что людям можно доверять. При этом большинство опрошенных обеих исследуемых групп указывают на высокий уровень доверия по отношению к членам своей семьи (семье как узкой группе близких людей в тюрьме («кентовка», «однохлебки») и кровнородственной семье в обычном обществе). Третьим критерием сравнения тюремного и российского общества А. Олейник считает властные отношения. Он утверждает, что если в тюремном сообществе властные отношения «имеют преимущественно навязанный характер», то в «обычном» российском обществе властные отношения характеризуются низким доверием государству и в конце концов также оказываются навязанными. Вывод, к которому приходит А. Олейник, заключается в следующем: «Именно отсутствие в России институтов гражданского общества позволяет государству игнорировать интересы своих граждан и гарантирует бесконечное воспроизведение жизни “по понятиям” на всех уровнях российского социума» [Там же, с. 50].

На наш взгляд, А. Олейник меняет местами причину и следствие. Не «отсутствие гражданского общества гарантирует воспроизведение жизни “по понятиям”», а широкая распространенность криминальных и тюремных установок и норм в российской культуре обуславливает неспособность российского общества создать общество гражданское. Последние пятнадцать лет россияне *выбирают* правителей и парламент, а блатной жаргон («мочить в сортире») и феня делают политиков популярными среди населения. Несмотря на вывод А. Олейника о том, что властные отношения в России являются навязанными, популярность В. Путина остается на чрезвычайно высоком уровне, пропрезидентская партия победила на

¹⁰ В своей работе А. Олейник широко использует термин «социум», который в современном социологическом дискурсе является довольно размытым *per se* и не вполне адекватным для точной передачи того социального уровня, который имеет в виду автор. В нашей работе мы стараемся не использовать данный термин.

выборах в большинстве регионов России, при этом криминальные и тюремные нормы, установки и практики в России продолжают доминировать.

Другой возможной причиной распространенности криминальной и тюремной культуры в России являются, во-первых, особенности системы заключения, в которой криминальным практикам, нормам и ценностям научаются вновь прибывшие в места заключения (это связано с массовым содержанием заключенных, даже в камерах, и особенностью тюремной культуры в России), а во-вторых — репрессивная система уголовного наказания, в которой осуждению и заключению подвергается значительное количество людей. Заключенные, перенявшие паттерны тюремной культуры, после освобождения ретранслируют их в «обычную» среду и культуру.

Феномен российской тюремной культуры является уникальным и тотальным. Вот как описывает ее Л. Самойлов, отбывший небольшой срок в местах заключения по сфабрикованному делу: «Однако у меня за плечами был уже год пребывания в тюрьме. Еще там я понял, что главная сила, которая противостоит здесь обыкновенному, рядовому заключению и господствует над ним, — не администрация, не надзиратели, не конвой. Они в повседневном обиходе далеко и образуют внешнюю оболочку лагерной среды... Силой, давящей на личность заключенного, повседневно и ежечасно, готовой сломать и изуродовать его, является здесь другое — некий молчаливо признаваемый неписанный закон, негласный кодекс поведения, дух уголовного мира. От него не уклоняются. Избежать его невозможно» [Самойлов 1989, с. 152]. «Когда наступает темнота и офицеры с солдатами уходят, поднимают голову те, кого “зона” воспринимает как истинных властителей...» [Там же, с. 154]. «Так чья же власть перевешивает в “зоне”? Кто больше может? Кто истинный повелитель? Кто способен формировать нормы и установки? Кто тут воспитывает?» [Там же, с. 157].

Следовательно, советские, а теперь и российские «школы жизни» не исправляют, а погружают вновь прибывших в тюремную культуру, усиливают криминальные установки, что после освобождения, помимо ретрансляции криминальной культуры в обычную среду, ведет к повторному совершению преступления. Этот вывод подтверждает и опыт Л. Самойлова: «По моим впечатлениям, ИТК работают как огромные и эффективные курсы усовершенствования уголовных профессий и как очаги идеологической подготовки преступников... Пребывание в обществе себе подобных, да еще столь организованном и сильном, лишь консервирует и укрепляет черты преступного характера, поддерживает в уголовнике его ценностные установки...» [Там же, с. 160]. «Свою систему ценностей воровской коллектив навязывает новичкам посредством кнута и пряника» [Там же, с. 159]. «...Надо видеть... какой воспитательной силой обладает этот коллектив!» [Там же]. «...Длительные сроки почти ничем не отличаются от коротких — тринадцать от трех. Возрастает лишь тюремный опыт и авторитет длительно сидевших. И число колоколов на груди» [Там же, с. 161].

Как отмечалось выше, через эти «эффективные курсы усовершенствования уголовных профессий» и «очаги идеологической подготовки преступников» в

СССР, а теперь и в России прошло очень большое количество людей. Особую роль в российской истории тюремного заключения играют сталинские репрессии и ГУЛАГ. По разным оценкам, количество людей, отбывших заключение в лагерях в период массовых репрессий, колеблется от 5 до 120 млн человек. Сошлемся на следующие данные: «После публикации в начале 1990-х годов архивных документов из ведущих российских архивов... можно с достаточной степенью достоверности сделать вывод, что за 1930–1953 годы в исправительно-трудовых колониях побывало 6,5 млн человек...» [Википедия, разд. «ГУЛАГ»]. Важным событием этого периода является массовое освобождение заключенных, осужденных по уголовным статьям, весной и летом 1953 г., когда из тюрем, лагерей и спецпоселений освобождались 1181264 человека [Год смерти...]. Именно с этой амнистией можно связать ощутимые культурные перемены в обычной среде, когда тюремные и криминальные паттерны поведения, нормы и установки, привнесенные из тюремного пространства в «обычное», стали не просто осязаемыми, но и доминирующими «среди социальных групп практически всех возрастов» населения СССР, а потом и России.

Однако репрессивная система уголовного наказания (как СССР, так и России), помещающая в места заключения значительное количество населения и после смерти Сталина, продолжала передавать и воспроизводить криминальные установки и нормы в «обычном» обществе. Приведем некоторые данные о количестве людей, побывавших в местах заключения: «В XX в. ни одна страна в мире не отправляла в тюрьму такую огромную часть населения, как Россия. Каждый четвертый взрослый мужчина в нашей стране — бывший заключенный. Мы и сейчас находимся в тюремных лидерах. Одна восьмая часть всего тюремного населения страны сидит в наших тюрьмах и колониях, при этом россияне составляют лишь сороковую часть человечества» [Тюремный Чернобыль...]. «Из мест лишения свободы освобождается ежегодно 300 тыс. человек» [Там же]. А. Олейник приводит следующие данные: «Около трети советских людей были осуждены как минимум один раз либо осужденными были их родители» [Олейник 2001б, с. 5]. «Сегодня в российских тюрьмах содержится примерно 900 тыс. человек (из них примерно 200 тыс. находятся под следствием и ожидают вынесения судебного решения)...» [Олейник 2004]. Ю. Александров утверждает: «...за период с 1961 по 1985 г. через систему ГУЛАГ — ГУИТУ прошло более 30 млн человек» [Александров 2002, с. 28]. К. Митупов делает следующие выводы: «...если верить депутату Государственной Думы генералу Л. Гурову, то всего за 1960–1990 годы в российских ИТК отсидело 73 млн человек» [Митупов 2003, с. 185].

Влияние бывших заключенных на культурные установки «обычной» среды и формирование в ней тюремной и криминальной культуры можно обнаружить в следующих данных: «Существовавшие в то время исправительные учреждения являлись хорошей средой для быстрого распространения новых традиций. Полученные в тюрьмах “знания” вышедшие из них распространяли на воле, и, таким образом, власть воров в законе постепенно укреплялась и распространялась на всю страну» [Александров 2002, с. 27]. «...Еще задолго до начала перестройки первый секретарь ЦК Компартии Грузии Д. Патиашвили был посаженным отцом на свадьбе

вора в законе Кучуури» [Александров 2002, с. 29]. «...Один из известнейших воров в законе... Джаба Иоселиани — стал одним из ближайших помощников президента Грузии Э. Шеварнадзе и министром обороны... Воры в законе стали настолько популярны в Грузии, что во время одного из опросов школьников 25% из них указали, что хотели бы тоже стать ворами в законе» [Там же, с. 28].

Распространенность тюремных и криминальных практик в молодежной и подростковой среде

«Я живу “по понятиям” и говорить ничего не буду» — таким был ответ обычного девятиклассника обычной российской школы на просьбу дать интервью в исследовательских целях, с полной гарантией анонимности.

Тюремная культура оказывает существенное влияние и на молодежную культуру. Тюремные традиции, нормы и установки являются неотъемлемым элементом социализации большинства российских подростков. «По понятиям» живет большинство школьников России.

Одним из способов передачи тюремных культурных установок в подростковую среду является ретрансляция тюремных паттернов от старших подростков и молодежи, побывавших в местах заключения, младшим подросткам. Другим возможным способом передачи тюремной культуры в подростковую среду являются взрослые, родители детей, родственники, старшие братья и сестры, побывавшие в местах заключения.

Делинквентные подростковые шайки (группировки), возникшие в советских городах в конце 1960-х годов и широко распространенные на всей территории России и в наши дни, также являются следствием тюремной культуры взрослых. Внутренняя структура и установки этих группировок почти полностью копируют структуру и установки тюремной культуры взрослых¹¹. Рассмотрим один из примеров передачи тюремной культуры в «обычную» подростковую среду и подростковые шайки в Улан-Удэ: «Для борьбы с... объединенными в группировки городские и республиканские власти стали организовывать БКД — “боевые комсомольские дружины”...» [Митупов 2003, с. 185]. «Однако с возрастанием числа побывавших в “зоне” молодых людей... противостояние сначала сделалось принципиальным, а затем, по существу, было проиграно комсомолом... Отсидеть и выйти, а потом рассказать своим “пацанам” про “зону”, “парашу”, кто как “вкован” и где надо вовремя “рюхнуть” и не “присесть” — стало считаться большей доблестью, чем учиться... Тюремные ценности возобладали... Понятия “зоны” все больше регулировали и внутригрупповые, и межгрупповые взаимоотношения... Чем чаще “сидели”, чем быстрее выросли, тем более устойчивыми становились традиции полууголовной и уголовной романтики в рядах молодежи...» [Там же, с. 186]. По

¹¹ В данной работе мы не будем рассматривать сущность, структуру, нормы и установки подростковых делинквентных шайк (группировок). Подвергнем анализу распространенность тюремной культуры в «обычной» подростковой среде, «обычном» школьном пространстве. Для более подробного изучения делинквентных шайк см. [Ханипов 2007; 2006; Салагаев, Шашкин 2004а].

мнению А. Салагаева, «большую роль в возникновении шаяк сыграл преступный мир, который в определенный период времени “освоил” подростковые компании и преобразовал их в хорошо организованные группировки» [Салагаев 2005, с. 188]. Митупов указывает, что «подростки стали ориентироваться больше на кулак да на группировки, которые контролировали школы» [Митупов 2003, с. 186].

Доминирующие практики и традиции подростков и молодежи являются во многих случаях полным отражением практик и традиций тюремной и криминальной культуры. Выделим несколько составляющих тюремной культуры.

Деление на касты, масти, ранги в школьной и молодежной среде

«Я увидел, что равенством тут и не пахнет. Все заключенные очень жестко делятся на три касты: воры, мужики и чушки» [Самойлов 1989, с. 153]. «Сюда же можно отнести и прописку с ее приколами как способ определения положения отдельно взятой личности в “табели о рангах”; наличие кличек (погонял, кликух), татуировок, отдельных привилегий у отдельных же лиц» [Александров 2002, с. 9]. Возможно, многие школьники, прочитав эти строки, подумали бы, что речь идет об отношениях между учащимися в российских школах. В ряде авторских исследований школьники рассказывают о существовании в классах и школе таких категорий учащихся, как «черт», «лох», «чмо»: «Опущенный. Человек Морально Опущенный. ЧМО. Которых обзывают постоянно. Самые слабые, короче. Подопытные, можно сказать» (Информанты 2, 3, муж., 14 лет; осень 2001, Казань). Эти слова являются элементами блатного жаргона и обозначают низшую страту в трехкастовой тюремной системе.

Одинаковым образом характеризуется низшая страта в тюремном пространстве, пространстве уличных группировок и в школьном пространстве: «Чушок — это раб. У чушков никаких прав. С ними можно проделывать все, что угодно» [Самойлов 1989, с. 153]. «...Подростки, не состоящие в группировках, назывались их участниками “чушпанамы”, в отношении которых мораль группировок позволяла совершение любых действий: избиение, вымогательство денег, мужеложство и т. д.» [Булатов, Шеслер 1994, с. 15]; «У нас <в школе> ходит тут мальчик, тоненький, блин. Вот на него все плюются, харкаются. У него деньги вымогают все время... Джамант его зовут... Такой черный, блин» (Информант 8, жен., 15 лет; весна 2006, Лениногорск).

Известен случай, когда в одном классе все учащиеся должны были пройти обряд инициации на определение, являются они «чертями» или нет, что является аналогом обряда тюремной прописки¹². Подростки мужского пола должны были «прыгнуть в отмах», т. е. драться наотмашь против нескольких «блатных» лидеров класса. Несколько человек не захотели пройти испытание и были определены как «черти». Оставшаяся часть класса не имела права разговаривать с ними, садиться за одну парту, под угрозой расправы со стороны «лидеров» класса, на протяжении несколь-

¹² Прописка — процедура принятия новичка в криминальное сообщество, включающая в себя тесты на сообразительность (приколы), проверку знаний уголовных традиций и т. д. Пройти прописку достойно — 1) выдержать испытания; 2) быть принятым в криминальное сообщество (см. [Александров 2002, с. 117]).

ких месяцев. «Особую категорию чушковых составляют “пидоры”... С ними вор или мужик не должен на виду даже разговаривать или находиться рядом. Если случайно окажется рядом, то процедить сквозь зубы: “Дерни отсюда, пидор вонючий!”... Или врубить ему по зубам и демонстративно вымыть руку» [Самойлов 1989, с. 153].

В тюремном пространстве широко распространено маркирование представителей страт различными способами: «Столь же формализована и знаковая система — одежда, распределение мест... В числе таких знаков — татуировка...» [Там же, с. 158]. «Встречается и позорящая “наколка”... Их нельзя ни вырезать, ни выжигать. Положено — носи» [Там же, с. 159]. Данные практики интересно сравнить с кейсом казанской средней школы, когда один из «блатных лидеров» школы написал на лбу другого школьника слово «лох», запретил сводить надпись и в течение дня заставлял носить свой портфель. Скорее всего, практики формирования властного пространства данного «лидера» не ограничивались одним днем.

Другим государственным институтом, в котором молодежная культура полностью построена на тюремных и криминальных принципах и традициях, является российская армия: «... “деды”, “черпаки”, “салабоны” и все их дружеские забавы — Господи, да те же воровские порядки. Тот же “беспредел”, те же “чушки”, та же “прописка” и все прочие прелести» [Там же, с. 164]. Интересно отметить, что армейская культура дедовщины использует тюремные практики наказаний. Например, в тюрьме «за проступки... полагается “тубарь”, “табуретка”: бьют табуреткой, стараясь угодить по черепу, пока не разломается то или другое» [Там же, с. 155]. То же происходит в Вооруженных силах Российской Федерации: «...мы расспрашивали Вову обо всем, о дедовщине тоже. Он рассказывал... Смотрят, например, солдаты телевизор: кто-то чихнул — получил тут же от сержанта табуреткой по голове... на прошлой неделе в аналогичной ситуации погиб еще один солдат. После удара по голове табуреткой...» [Спасти рядового Зайцева...]. Схожесть наказаний в тюрьме и армии отмечает и Т. Щепанская: «Среди... наказаний в армии... и местах заключения отметим избиение с целью опустить почки: нарушителя неписаных правил держат за руки... и бьют ногами по поясице до тех пор пока он не начнет мочиться кровью» [Щепанская 2001, с. 129].

Наказания и выяснения отношений со стороны «блатных» учащихся в обычных российских школах могут быть мягче, однако не менее действенными и результативными: «Если он стоит, загнувшись, они его кулаками бьют, коленками, если упадет, запинывают» (Информанты 2, 3). «И они их ногами забили, один, короче, в реанимацию попал. Голову ему пробили» (Информант 1, жен., 14 лет; весна 2006, Лениногорск). «Я ее положила, короче, по почкам бью... Ты, слышь, говорю: ты знаешь на кого ты навалилась?» (Информант 1).

Подавляющее большинство учащихся в российских школах имеют различные прозвища. Традиция присвоения прозвищ в школах тождественна практикам присвоения прозвищ в тюремной культуре. «Кличку имеет подавляющее большинство осужденных... кличка является неотъемлемым атрибутом криминальной субкультуры... Избавиться от присвоенной клички очень трудно, практически невозможно» [Александров 2002, с. 60–61]. «В присваиваемых кличках могут отражаться: физические данные... (“Косой”...), психологические особенности... (“Шизик”...), внешность (“Рыжий”...)» [Там же, с. 60].

Тюремный жаргон в подростковой и молодежной среде

Выше мы уже упоминали о распространенности тюремного жаргона в разговорной речи взрослых россиян. «Еще большее количество <слов тюремного жаргона> используется в разговорной речи, особенно... в среде несовершеннолетних» [Александров 2002, с. 47]. Понимая, что невозможно интерпретировать весь спектр слов тюремного жаргона, который используют обычные дети, подростки и молодежь, приведем лишь два примера. Очень часто для обозначения времяпрепровождения российских «альтернативных микрокультур»¹³, как, например, «хиппи» («система»), используется слово «тусовка». Оно является характерным идентификатором принадлежности группы к «альтернативной» молодежной культуре. Даже если эти альтернативные российские микрокультуры не выступают за «make love, not war»¹⁴, то большей частью не имеют в своей основе агрессивного и насильственного поведения. Однако интересно отметить, что «глагол “тусоваться”... первоначально означал “прогуливаться взад-вперед в компании по тюремному двору, локальной зоне”» [Олейник 2001а, с. 44].

Другим интересным примером является интерпретация слова «пацан». Слово «пацан» широко используется российскими подростками. В детском и раннем подростковом возрасте это слово употребляется как синоним слова «мальчик», обычно для гендерной идентификации в противоположность женскому полу, девочкам: «баба» («есть пацаны и есть бабы»). Следует отметить, что уже в этом возрасте в слово закладываются сексистские установки, конструируется патриархальная гендерная идентичность. В среднем, позднеподростковом и молодежном возрасте слово «пацан» используется не просто как гендерный маркер, но уже несет в себе элементы оригинального значения и установок тюремного жаргона. У российских школьников старших возрастов слово «пацан» ассоциируется с такими значениями: «пацан не черт», «пацан не лох, не чушка», т. е. «настоящий пацан». Часто члены делинквентных шайк в России идентифицируют себя как «пацаны», т. е. те, кто придерживается или живет согласно «пацановским правилам», «по понятиям», которые часто тождественны тюремным «понятиям» — установкам и нормам. В тюремном жаргоне термин «пацан» имеет несколько значений: «несовершеннолетний осужденный (или осужденный молодежного возраста), придерживающийся воровских традиций и законов; достойный пацан — несовершеннолетний, выдержавший с честью ритуал прописки» [Александров 2002, с. 113], «молодой вор — ученик опытного вора; кандидат в воры в законе; настоящий, правильный парень» [Пирожков 1998, с. 265].

Как и в тюремном пространстве, многие практики в подростковом и школьном пространстве табуированы. «Здесь это называется “западлю” — чего делать нельзя... Табуировано много действий и слов... нельзя говорить “спасибо”, надо “благодарю”» [Самойлов 1989, с. 158]. В подростковом пространстве также не при-

¹³ Термин достаточно точно отображает социальную картину культурных молодежных соотношений в России. Альтернативными, с нашей точки зрения, эти микрокультуры являются относительно доминирующей делинквентной культуры молодежи, основывающейся на тюремных нормах и установках. Термин заимствован из работы [Салагаев, Шашкин 2002].

¹⁴ Занимайтесь любовью, а не войной (англ.).

ветствуется употребление слова «спасибо», а согласно тюремным традициям используется слово «благодарю».

Общак в «обычной» подростковой среде

Ряд наших исследований показывает, что структуру делинквентных шайек нередко регулирует «криминальный мир» взрослых. Во всех делинквентных шайках существует ежемесячная или осуществляемая по мере необходимости процедура сбора денег, называемая, так же как и на тюремном жаргоне, «общак», т. е. «общая касса для воров» [Пирожков 1998, с. 260]. Деньги, собираемые членами подростковых шайек, передаются «старшим» или «старику»¹⁵, связанному со взрослым криминальным миром. В наших исследованиях большинство детей знало о существовании и значении слова «общак», члены шайек регулярно сдавали деньги в общак. *«И с каждого определенная сумма... Да, они очень много денег имеют. Сбор идет на общак, и довольно-таки большие суммы»* (Информант 1). Общак также выполняет функцию «своеобразной кассы взаимопомощи (деньги, вещи, продукты и т. д.) в преступном сообществе» [Александров 2002, с. 110]. Школьники в интервью указывали, что принимают активное участие в сборе общака и во втором его значении: *«Эти деньги... на зону. На общий. Кто с города сидит там, посылаем посылки. Каждый город смотрит за определенной тюрьмой. Наш город смотрит за четверкой. Ну... наш город постоянно посылки на четверку отсылает. Там, допустим, Казань туда отсылает, сюда отсылает. Есть тоже... ну... как... хороший друг нашего всего круга. Ему тоже отсылаем»* (Информанты 10, 11, муж., 15 и 16 лет; весна 2006, Лениногорск).

Часто члены шайек решают собирать деньги на общак у своих одноклассников или других учащихся школы, не являющихся членами шайек, при отказе прибегают к вымогательству: *«Иногда сам, когда копишь. Иногда, когда не получается... занимаешь. Можем и на делягу пойти, ну, вымогательство»* (Информант 1).

Школьное пространство — пространство заключения

«Именно в этом коллективе заключенный проводит все время — весь день... долгие годы. Воздействие администрации — спорадическое, слабое, формальное, мало индивидуализированное.... А коллектив всегда с ним. И какой коллектив! Жесткий, безжалостный и сильный. Сильный своей сплоченностью, своей круговой порукой и своеобразной гордостью. У этого коллектива есть свои традиции, своя романтика и свои герои» [Самойлов 1989, с. 158]. Данное описание, с нашей точки зрения, в равной степени можно отнести и к большинству российских школ, и, конечно же, к Вооруженным силам Российской Федерации. Об отсутствии возможности контроля за ситуацией в школах со стороны администрации и педагогов свидетельствуют результаты одного из исследований: «Школьное влияние практически не проявляется в формировании или предупреждении подростковой де-

¹⁵ Взрослый, возглавляющий преступную группировку несовершеннолетних (см. [Пирожков 1998, с. 279]).

виантности. Это обусловлено прежде всего негативным отношением большинства подростков к школе как институту социального контроля» [Гилинский и др. 2001, с. 110]. Таким образом, помимо «получения знаний», изучения атрибутов российского государства, государственного флага, герба, заучивания гимна, дети проходят и через иную социализацию. Многим из них не нравится «жить по понятиям», однако, как и заключенные, отбывающие свой срок по решению суда, дети вынуждены ходить в школу. Известны случаи, когда жизнь «по понятиям» и постоянные требования доводили школьников до самоубийства. А после выпуска юношей ожидает армия и «тубарь».

Д. Лихачев, Л. Самойлов и ряд других исследователей¹⁶ указывают на сходство между первобытным и тюремным обществами. Сюда также можно отнести детское и подростковое пространство, возможно, и армейскую среду. Например, дети и подростки во многих странах используют стигматизирующие прозвища, ostracism, детям, как представителям первобытного общества и тюремной культуры¹⁷, свойственна ориентированность на магическое восприятие окружающего мира. Но данные особенности не всегда обусловлены тюремными традициями конкретного общества, возможно, они лишь указывают на схожесть коммуникации и восприятия окружающего мира в тюремном, первобытном и детском/подростковом пространстве. Это направление требует отдельного и более глубокого изучения.

Несмотря на это замечание, очевидно, что культура российских детей, подростков, молодежи и военнослужащих движется и развивается в рамках тюремной культуры. Например, по мнению А. Салагаева и А. Шашкина, в России, в отличие от США, ценности шак были привнесены из тюремной культуры, а не наоборот [Салагаев, Шашкин 2004б, с. 54].

* * *

Данные, представленные в статье, показывают, что тюремная культура оказывает существенное влияние на различные социальные уровни российского общества. Тем самым значительная часть россиян в различной степени оказывается вовлеченной в практики тюремной культуры. К числу основных факторов, обуславливающих широкую распространенность тюремной культуры в России, относятся особенности системы тюремного заключения и сохраняющаяся репрессивная система уголовного наказания. В школах и Вооруженных силах России, где подростки и молодые люди вынуждены проводить значительную часть времени и не имеют возможности отказаться от занятий или службы, поведенческие практики, тождественные практикам тюремной культуры, приводят к наиболее тяжелым последствиям. Однако именно в этих институтах практики, схожие с практиками тюремной культуры, доступны для контроля и пресечения, и зависят лишь от предпринимаемых в данной области действий со стороны администрации и персонала.

¹⁶ Например [Ефимова 2004а; 2004б].

¹⁷ Элементы магического восприятия окружающего мира в тюремной культуре подробно описаны в [Лихачев 1992].

Литература

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.
- Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2002.
- Булатов Р. М., Шеслер А. В. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань, 1994.
- Бутов М. CD-обозрение Михаила Бутова. «Мурка» для Бога // Новый мир. 2003. № 8. Википедия (<http://ru.wikipedia.org>).
- Гилинский Я., Гуревич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность. СПб.: Медицинская пресса, 2001.
- Год смерти. Что принесла амнистия 1953 года. Источник полезной информации (http://ispolin.pisem.net/int_amnist53.htm).
- Действия Грузии — «беспредел и истерика». Утро.ру Политика (<http://www.utro.ru/articles/2006/09/28/587740.shtml>).
- Ефимова Е. С. Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор. М.: ОГИ, 2004а.
- Ефимова Е. С. Современная субкультура как «маргинальная» устная культура // Неприкосновенный запас. 2004б. № 4 (36).
- Ким Н. Надежда, усталость, старость // Экономические и социальные проблемы. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1 (39). Цит. по: Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.
- Левин Л. Блатная песня. В гостях у бандитки (<http://banditka.com/index>).
- Левченко Я. Шансон не по понятиям (<http://banditka.com/index>).
- Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М.: Край Москвы, 1992. Впервые статья опубликована в сборнике Института языка и мышления им. Н. Я. Марра «Язык и мышление» в 1935 г.
- Маршрутки без «мурки» // Огонек. 2004. № 28.
- Митунов К. Группировки семидесятых: воспоминание-комментарий к статье А. Бадмаева // Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003.
- Олейник А. Н. Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36) (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/4>).
- Олейник А. Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. 2001а. № 2.
- Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001б.
- Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Подросток в условиях социальной изоляции. М.: «Ось-89», 1998.
- Радиомониторинг COMCON. Радиопортал (<http://www.radiportal.ru>).
- Салагаев А. Л. Исследования подростково-молодежных делинквентных сообществ (группировок) в России и бывшем СССР // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М.: Институт социологии РАН, 2005.
- Салагаев А., Шашкин А. Делинквентные группировки в современной России: история возникновения и теоретические подходы к исследованию // Девиантное поведение: методология и методика исследования. М.: Реглант, 2004а.
- Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Молодежные группировки — опыт пилотного исследования // Социологические исследования. 2004б. № 9.
- Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1.
- Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4.
- Спасти рядового Зайцева. Вечерний Челябинск (<http://www.chelpress.ru/newspapers/vecherka/archive/21-01-2003/7/1.DOC.shtml>).
- Тайбаков А. А. Преступная субкультура // Социологические исследования. 2001. № 3.

- Тюремный Чернобыль. Информационный бюллетень Российского исследовательского центра по правам человека. 2002 (февраль). Права человека в России (http://www.hro.org/editions/hrc/01/01_13.php).
- Ханипов Р.А. Делинквентность: современные подростковые сообщества и насильственные практики // Социологические исследования. 2007. № 12.
- Ханипов Р.А. Подростковая делинквентность в городах Татарстана // Вестник Евразии. 2006. № 3.
- Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001.
- Ledeneva A. 1998. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal exchange. Цит. по: Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. 2001. № 2.